

**Светлана
ВЬЮГИНА**

г. Москва

На ветру не зябнет зяблик,
Лишь качается слегка
Вместе с веткой, как кораблик,
Что приплыл издалека...
Как я рад весенней птахе
И тому, что дал Господь
Скорби все мои и страхи
Этой крохе побороть...

(Геннадий Толин, из стихотворения «Зяблик»)

Сейчас часто многими авторами в анализе литературных текстов и разного рода событий упоминается известная пушкинская цитата из его черновых заметок о поэме «Граф Нулин»: «Бывают странные сближения». Благодаря таким «сближениям» даже не столько по времени, а по существу и факту, у меня за наблюдением над пернатыми насельниками моего дачного участка возник небольшой рассказик, которым я и хочу поделиться с читателями.

1. МОИ ПЕВЧИЕ САДОВЫЕ ЗЯБЛИКИ

Наша дача — на опушке соснового леса. Чуть поодаль песчаный склон, и там ласточки любят гнездиться. В этом году на даче как никогда было много птиц. И дрозды полюбили у нас клевать ягоды. Даже черноплодку мы не всю собирали, для дроздов часть оставляли. Пеночки, трясогузки, синички, иволги — мы уже знали «своих» пернатых и развешивали кормушки на деревьях. Птички с удивлением на нас поглядывали, предпочитая склёвывать червячков и комаров с земли, с травы. Мол, это же не город, есть чем прокормиться. Порхали весело над яблонями, потом рассаживались на жасмине и весело щебетали: лето!!!

Соловьи нам часами пели по весне, но их мы редко видели, оперение у соловьёв невидное, скромное. И сами они предпочитают оставаться в тени. Но — пение! Об этом много сказано-написано!

ЗЯБЛИКИ, ПТИЧКИ НЕБЕСНЫЕ

рассказ

Птицы, как люди — горластые и мельтешащие — это совсем не значит, что самые талантливые, самые хорошие, самые-самые...

А тут появились незнакомые птицы — небольшие, юркие, грудки розовые, нежного окраса, с серой опушкой, щебечут громко, но коротко. Пропели песенку и нет их... Полистав подарочную книгу, справочник о пернатых, разыскала наших «незнакомцев». Это зяблики! Вот вы кто, птички-невелички!

И вспомнилась невольно удивительная история, рассказанная мне в детстве папой. История про медсестру, лейтенанта Зябликову, которую папины однополчане ласково звали Зябликом...

2. ЛЕЙТЕНАНТ ЗЯБЛИКОВА

Историю эту мне рассказал мой папа, фронтовик, прошедший войну с начала её и до конца.

Не знаю, чем это объяснить, но люди, прошедшие войну, не любили о том распространяться, а может, просто щадили нашу, тогда ещё юную, психику.

Надо сказать, что мой папа, как мало кто, любил всё живое, всю божью тварь, населяющую наш мир, потому и профессию выбрал такую, облегчающую страдания бессловесной твари, — ветеринар, и до самой своей пенсии проработал ветеринаром. Но из животного мира папа особенно любил лошадей, а из мира человеческого — хрупких самоуглублённых людей — «ботаников», как бы сказали сейчас, не умеющих вроде бы и за себя постоять.

И не случайно, видимо, всё же он посчитал мне рассказать следующий краткий эпизод войны, соединивший в себе и самоотверженность, и жалость, и что-то ещё, лежащее за гранью плоского земного мудрования.

Папа в своём подразделении, как профессиональный ветеринар, досконально разбирающийся в лошадях, был к ним и приставлен, за них и отвечал. Ведь без лошадок — этих безотказных тружеников фронта, война, особенно её начало, была бы гораздо драматичней, и все, особенно ездовые, об этом хорошо знают...

Была у них в подразделении невзрачная ху-

денская медсестра, приходящая подкармливать лошадей в свободное от службы время, вечером.

Маленького роста, скромного обличья. Внешне было в ней что-то птичье, пожалуй, даже зябличье, — а как было не иззябнуть слабой и беззащитной девушке, почти что девочке, на ледяном ветру безжалостной войны?

Зяблик — так ласково и звали её все в полку с лёгкой руки ротного балагура и красавца Самсона, не обделявшего её своим вниманием, не переходившим, впрочем, границы дозволенного.

Спешит, например, к своим раненым на перевязку Зяблик, а навстречу Самсон с переписанными откуда-то стихами Есенина:

— Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?

Зардеется Зяблик и старается как можно быстрее проскочить мимо столь галантного ухажёра.

А ещё частенько, но беззлобно дразнил он медсестричку за частые слёзы.

Вот принесёт она своим подопечным лошадам кусочки свеколки, морковки, сухарики, и пока те благосклонно гостинцы схрумкивают, что-то им тихонько наговаривает и плачет тоже тихонько.

Эх, Самсон, если знал бы ты, что слёзы — это свидетельство чистой живой души, — осторожнее был бы со своими шутками...

Но, может быть, всё было и так, как сказано у одного поэта: две души неровные края свои сближали...

Что уж там у неё случилось, какая беда, в это Зяблик никого не посвящала. Покормит лошадку — и к себе, в медсанчасть.

Не только простенькой внешностью, но и поведением Зяблик не выделялась. Была неприметна, может, даже смиренна, если уместно здесь это слово; звёзд с неба не хватала, значительных наград не имела, да и в силу маленького роста и физической слабости раненых с поля боя вытаскивала редко.

Но уж в санчасти трудилась, конечно, как и все, не покладая рук...

И жалел эту сестричку, этого Зяблика, как всем казалось поначалу, пожалуй, только конь, которого звали по трагикомическому совпадению тоже, как и её обожателя и обид-

чика, Самсоном. Вот покормит девушка Самсона, завсхлипывает, а конь замрёт, даже ушами не прыдёт, мордой своей лошадиной к щеке зябликовской прижмётся. Жалеет.

Но неисповедимы пути Господни, тем более на войне, и попал в медсанчасть с ранением наш однополчанин, богатырь Самсон. А надо сказать, что был он хорошим солдатом, отличным сапёром, много жизней спасли его личное мужество, сноровка и смекалка. Но всё же однажды обошла его военная удача...

Так вот. Перевязывает его после операции медсестра Зяблик, а он терпит; зубами скрипит, а терпит. Вспомнил, наверное, как за слёзы поддразнивал сестричку. А та молча и спокойно свою работу делает. Перевязали Самсона, понесли на носилках в машину для отправки в госпиталь, и вдруг хлынул такой чудовищный ливень, что не видящая от печали белого света Зяблик, сопровождавшая раненого, сдёрнула с себя плащ-палатку и стонущего Самсона стала укрывать ею.

И такая незадача, война — дело опасное и непредсказуемое, а события происходили не в тылу, а в прифронтовой зоне, и осколком разорвавшегося вблизи снаряда её задело.

Не получилось ли так, что, закрывая Самсона от дождя, Зяблик спасла его от верной смерти?..

Без сознания была наша Зяблик, много крови потеряла, и отправили её той же машиной, что и Самсона, в госпиталь. Провожающие воспомина-

ли, что взрослые мужики, оказывавшие ей первую помощь, едва сдерживали слёзы.

...Осталась ли медсестра жива? Об этом папа так и не узнал. Даже имени её не запомнил. Через неделю он получил ранение и сам попал в госпиталь. Но запомнил, что фамилия медсестры была Зябликова. лейтенант Зябликова. И ещё вспоминал, что все раненые солдаты звали её ласково Зябликом.

* * *

И каждый раз, слушая пение зябликов в своем саду, я вспоминаю историю про другого «Зяблика» — хрупкую, нежную, на первый взгляд такую беспомощную девушку, сумевшую найти в себе силы быть кому-то опорой на беспощадной войне.

Теперь, прожив уже немалую жизнь, с высоты своего возраста ясно вижу, что в жизни нет ничего случайного и маловажного, даже если оно кому-то на первый взгляд может и показаться маловажным и странным.

В этом меня лишний раз убеждают недавно прочитанные строки замечательного православного писателя Александра Ракова:

«Один только Бог знает связь причин и событий».

А нам остаётся лишь благодарно склониться перед Его святой волей.

□

Светлана Васильевна ВЬЮГИНА (Дудченко) —

детский писатель.

Автор книг «Конопастик», «Солнечные краски»,

«Облака-забияки», «Черёмуховое крылечко».

Печаталась в журналах «Балтика», «Десна», «Дон», «Север»,

«Весёлые картинки», «Мурзилка», «Подсолнушек»,

«Юный натуралист» и других.

Член Союза писателей России.

